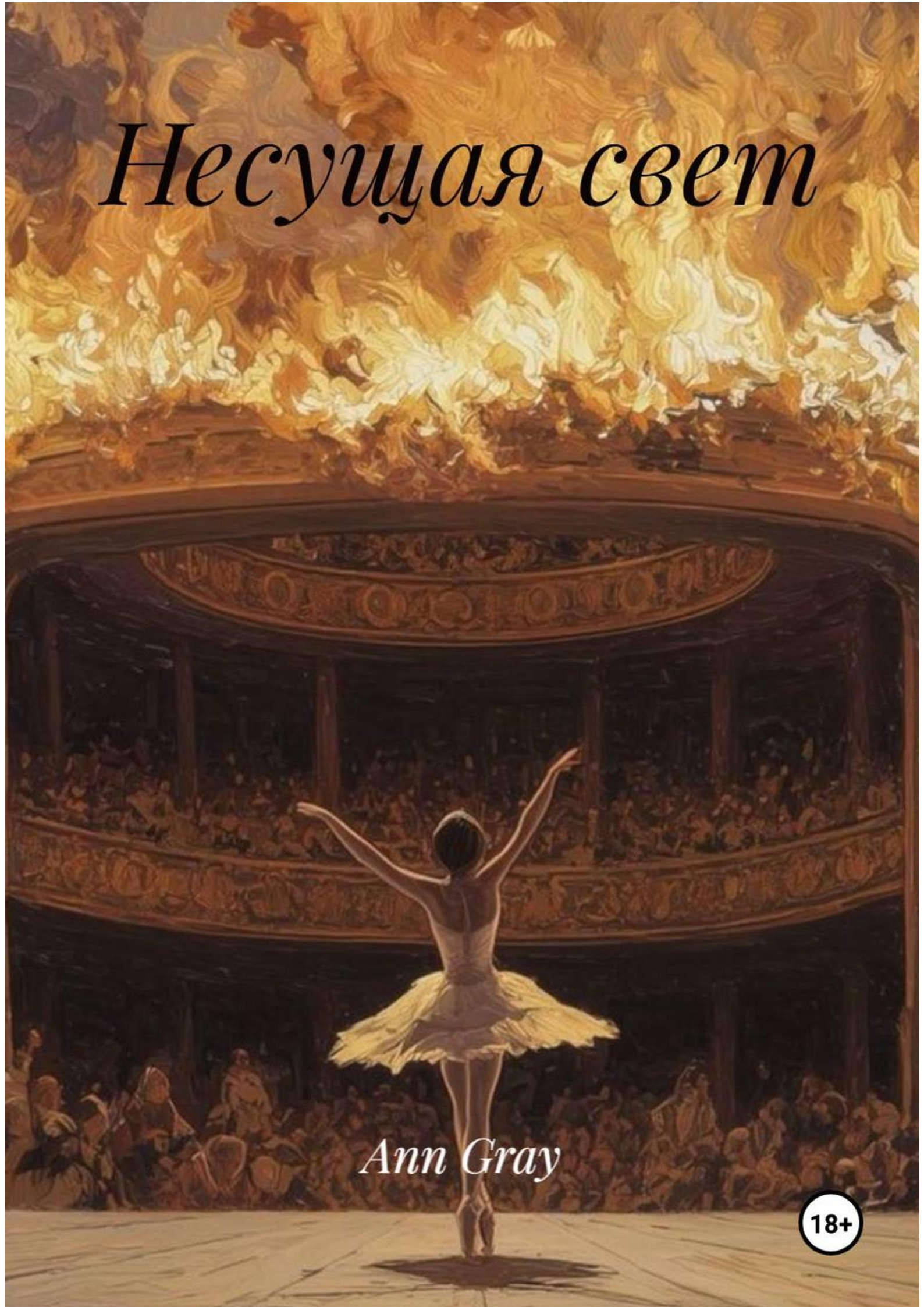

Несущая свет

Ann Gray

18+

Ann Gray

Несущая свет

«Автор»

2026

Gray A.

Несущая свет / А. Gray — «Автор», 2026

В сверкающем мире петербургских балов юная балерина Анна балансирует между искусством и пугающей ее магией: её сила — огонь, готовый вырваться в миг волнения. За кулисами кипят страсти: ее подруга Рита устала от ее инфантильности, Виктор Степанович пытается удержать театр и Анну от сплетен и интриг. Всё меняется с появлением отца Авраама Мортебата — влиятельного главы миссионерского общества. Анне следовало прятаться и держаться от него подальше, но она влюбляется в него. В роковой вечер, когда интриги сплетаются в тугий узел, а магия может погубить всех, каждому герою предстоит выбрать: остаться в тени чужих ожиданий или шагнуть навстречу судьбе. От этого выбора зависит не только будущее театра, но и жизнь тех, кто в нём танцует.

© Gray A., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Ann Gray

Несущая свет

Пролог

Сенатская площадь в тот день казалась не частью великого города, а огромной ледяной чашей, в которую стекался весь холод Петербурга. Гранитные плиты, отполированные дождями и ветрами с Невы, отливали свинцовым блеском. Вокруг высились строгие фасады — Сенат и Синод, будто два суровых стража, наблюдавшие за тем, что творилось внизу. По правую и левую сторону от Медного всадника возведены несколько кострищ. Серые дрова лежали ровно и ждали своего часа. В центре деревянный помост, выстроен наспех, но крепко, с расчётом на то, чтобы выдержать и тяжесть тел, и тяжесть чужих взглядов. Доски потемнели от влаги, но коегде ещё проступала свежая светлая древесина — будто сама площадь стыдилась этой новой детали в своём торжественном облике.

Над площадью висел тяжёлый, сырой туман, смешанный с едким запахом гари: по углам площади жгли костры, где тлели пожитки приговоренных и чтобы хоть немного отогнать промозглый холод. Но тепло не доходило до сердца площади. Здесь царил иной холод тот, что сковывает дыхание и заставляет кровь стынуть в жилах.

Толпа собралась плотная, разношёрстная: рядом с чиновниками в форменных сюртуках стояли купцы в тяжёлых шубах, мелькала простая одежда мастеровых и крестьян, привезённых в столицу по делам или на заработки. Кто-то крестился, кто-то шептал молитвы, а кто-то, напротив, смотрел с мрачным любопытством, будто пришёл на редкое представление. Над всем этим висела напряжённая тишина, прерываемая лишь редким кашлем, скрипом сапог по мокрому камню да отдалённым криком чаек над Невой.

Солдаты звенели оружием и скрипели кожаными сапогами, пока оцепляли толпу от помоста и кострищ. Их ряды были ровны, лица неподвижны, как у каменных изваяний; они будто старались не замечать ни дрожи в собственных пальцах от холода, ни того, что им предстоит стать немymi свидетелями чужой беды. Каждый их шаг отдавался в груди маленькой Анны глухим эхом, словно отсчитывая последние мгновения её прежней жизни. Марфа крепко обнимала ее за плечи одной рукой, а другой прикладывала платок к заплаканным глазам.

На помост вышел человек в черном одеянии. Епархиальный миссионер, присланный из губернии по приказу императора, чтоб «отчистить последний город от скверны».

В его лице не было ни гнева, ни радости, только ледяная уверенность в том, что он творит правое дело. В руке он держал книгу, и каждый его жест был отточен, как движение палача. За его спиной, выстроившись в шеренгу, замерли стражники в тёмнозелёных мундирах неподвижные, словно изваяния, и оттого ещё более пугающие.

— Ведите. — Бросил он подоспевшему солдату.

Тот кивнул и махнул рукой, куда-то вдаль.

Из серой пелены тумана, будто вырастая из самой мостовой, выступили фигуры в серых шинелях — ещё несколько солдат, державших наперевес ружья, с тускло поблескивающими штыками. Они вели двадцать человек, состоявших в разных сословиях: кто-то был простым бродягой, в залатанной, промокшей до нитки одежде, чья вина, быть может, заключалась лишь в том, что он оказался не в том месте и не в тот час; кого-то обвинили в измене. Эти шли с гордо поднятыми головами, будто даже в оковах не желали расставаться с остатками бывшего достоинства; закованными были даже аристократы: на одном из них, несмотря на сырость и грязь, ещё угадывались следы дорогого сукна, а на запястье поблёскивала тонкая золотая цепочка, нелепая и трогательная в этом мрачном шествии.

Семья из пяти человек шла ровно, почти в ногу, словно сама их сплоченность, была вызовом этому ледяному дню. Отец шёл впереди, ссутулившись, но, не согнувшись. Он будто старался стать стеной между своими близкими и тем ужасом, что ждал впереди. За ним двигались мать с грудным ребенком на руках.

В этом разнородном шествии было, что невыносимо горькое: контраст между надменными взглядами одних и полными ужаса глазами других, между остатками роскоши и крайней нищетой, между твёрдой решимостью и полным смятением. И всё же всех их связывало одно – цепи, глухо позвякивавшие при каждом шаге, и эта ровная, жуткая поступь, которая звучала как приговор.

Анна, зажата Марфой, смотрела на эту процессию, и сердце её сжималось так, что становилось трудно дышать.

— «Матушка!» — мысленно крикнула она женщине с младенцем, веря, что та услышит, будто в этом безмолвном зове была какая-то древняя, забытая сила, способная преодолеть и расстояние, и шум толпы, и даже саму смерть.

Женщина обернулась словно её потянула за невидимую нить, какая-то отчаянная, почти животная тяга. И посмотрела Анне прямо в глаза. Взгляд глубокий. Выжженная годами усталость и вместе с тем упрямая, негибкая воля, которая не позволяла ей сломаться, даже когда всё вокруг рушилось.

— «Живи, умоляю» — сказала она глазами, и в этой безмолвной фразе уместилось столько, сколько не вместили бы и сотни слов. В ней звучал тихий приказ, который нельзя слушаться, как нельзя слушаться материнского благословения. В ней была просьба, тяжёлая, как камень, и лёгкая, как дыхание спящего младенца. В ней был целый мир, который женщина пыталась передать своей дочери, зная, что сама уже не сможет её защитить.

Стражник грубо дёрнул женщину за локоть, заставляя отвернуться, идти вперёд, туда, где ждал помост и где каждый шаг становился всё тяжелее, будто земля сама цеплялась за ноги, не желая отпускать. Женщина не обернулась больше. Только на миг её пальцы крепче сжали ткань пелёнки.

Миссионер раскрыл книгу. Страницы шелестели, как сухие листья под сапогами зимы. Он начал читать негромко, но отчётливо, так, чтобы слова проникали в уши, в разум, в самую душу, не оставляя места сомнению.

— Во имя господина нашего! Да отчистятся души ваши от грехов смертных, да от влияния дьявольского. Придет мир к вере, и познают люди истину, дабы не быть обманутыми ворожеями, ведьмами, колдунами. Засим я объявляю исполнение приговора.

Это были не просто строки приговора – это было отлучение от мира живых, произнесённое вслух, при свидетелях, под свинцовым небом Петербурга. Эти слова прозвучали как удар колокола в пустой церкви — гулко, беспощадно, окончательно.

И тут тишина, висевшая над площадью, треснула. Ктото в толпе всхлипнул, ктото прошептал молитву, а ктото, напротив, выдохнул с облегчением, будто с него сняли тяжесть ожидания. Но большинство просто стояли, оцепенев, не в силах ни пошевелиться, ни отвести взгляд.

Он сделал едва заметный жест — и стражники шагнули с факелами к кострищам. Дрова вспыхнули.

Анна рванулась вперёд, вырвалась из хватки Марфы, но чья-то жёсткая чужая рука снова удержала её, вдавила в толпу, не давая вырваться. Анна кричала беззвучно, внутри себя, так, что этот крик рвал грудь и обжигал горло. Она видела, как пламя обнимает обессиленное тело матери и слышала ее крик и крик младенца у нее на руках.

Что-то внутри неё сжалось в тугой, ледяной комок, и этот холод был страшнее любого пламени. Ей казалось, что она слышит крики или, может быть, это кричала сама площадь, эти строгие фасады, равнодушный Медный всадник, эти серые плиты, впитавшие столько горя. А

может, это кричало её собственное сердце, не в силах вынести того, что происходило перед её глазами.

Но потом вдруг тишина. Не та напряжённая, звенящая тишина, что висела над площадью до этого, а глухая, ватная, будто весь мир накрыло тяжёлым мокрым сукном. И в этой тишине Анна перестала слышать крики. Она перестала видеть яркие вспышки пламени. Всё стало серым, бесцветным, словно кто-то стёр краски с этого дня, оставив только пепел и холод.

Её сознание, не в силах выдержать правду, спрятало самое страшное за плотной завесой тумана. Остались лишь обрывки ощущений: ледяной ветер, который пробирал до костей, запах гари, вьёвшийся в одежду, в волосы, в самую душу и эта невыносимая, давящая тишина, которая была страшнее любого крика.

Мужчина подхватил её на руки и увёл в переулочек – туда, где тьма спасала и укрывала, словно старое, потрёпанное, но надёжное одеяло.

Здесь, в узкой щели между высокими домами, воздух был чуть гуще, будто впитал в себя все тайны этого города. Туман, что на площади стелился по камню, тут сбивался в плотные клубы и цеплялся за карнизы, за ржавые вывески, за облезлую лепнину. Фонарь на углу едва тлел, бросая на мостовую тусклое, болезненножёлтое пятно, а дальше, в глубине переулочка, царила настоящая бережная темнота, как руки, которые закрывают ребёнку глаза, чтобы он не видел страшного.

Анна не смотрела по сторонам. Она уткнулась носом в грубую ткань его сюртука, вдыхая запах железа, кожи и чего-то ещё – простого, человеческого, живого. Этот запах был ей незнаком, но в нём не было угрозы. В нём была твёрдость, как в каменной стене, которую не сдвинет ни ветер, ни время.

В этой темноте послышалось:

— Аннушка! Аннушка, где ты? — кричала Марфа, и голос её рвался от холода, страха и отчаянной надежды. Она выбежала из переулочка, будто вырвалась из самой тьмы, и теперь стояла перед ними, распахнув руки, словно хотела одним этим движением обнять и укрыть от всего мира. — Отпусти ребенка!

— Не поднимай головы — тихо сказал он

И тут всё случилось слишком быстро, чтобы успеть понять, чтобы успеть остановить. Грохнул выстрел. Звук ударил по ушам, раскатился по переулочку, отскочил от стен и вернулся назад, будто сам хотел убедиться, что это правда.

Тяжёлое тело Марфы осталось лежать на сыром камне. Она упала не сразу, будто ещё несколько мгновений пыталась удержаться на ногах, пыталась не подвести, не сломаться, не оставить девочку одну. А потом колени подломились, и она опустилась на мостовую, медленно, почти бережно, как будто даже в падении старалась не напугать Анну.

Мужчина, просто крепче прижал к себе Анну, развернулся спиной к Марфе, ко всему, что осталось позади. Он пошёл прочь – туда, где переулочек становился уже, где стены смыкались над головой, где тьма была такой густой, что в ней можно было спрятать не только ребёнка, но и собственное сердце, которое сейчас разрывалось от боли.

Анна не плакала. Слёзы будто замёрзли где-то внутри, превратившись в острые, колючие льдинки, которые царапали горло при каждом вдохе. Она цеплялась за грубую ткань сюртука, за эту единственную опору в мире, который только что рухнул, и смотрела не вперёд, а назад – туда, где на сыром камне осталась лежать Марфа, там, где кончался её привычный мир.

— Держись за меня, — снова тихо сказал мужчина, не оборачиваясь, но чувствуя, как дрожат её пальцы. — Я не дам никому тебя забрать.

И Анна держалась. Потому что больше держаться было не за кого.

Глава 1

Гримерка в театре Графа Ласкова заливалась утренним светом. Лучи солнца пробивались сквозь листву лип во дворе, рисуя причудливые узоры на паркете. Стены обшиты дубовыми панелями теплого медного оттенка, местами покрытыми патиной времени. Над каждым из двух туалетных столиков висело большое зеркало в золоченой раме – подарок графа к открытию сезона. Рамы слегка потускнели, но все еще отражали свет от керосиновых ламп, создавая причудливую игру бликов.

Между двух больших окон с арочными верхами стоял старинный трельяж с треснувшим зеркалом – память о гастролях в Твери. В углу – шкаф для костюмов с зеркальной дверцей, на которой Рита нарисовала мелом смешную рожицу. Анна плюхнулась на потертый диван напротив туалетных столиков и разглядывала на стене старые афиши, портреты Риты и свои рисунки пейзажей. В воздухе витал сложный аромат: запах пчелиного воска от свечей, пудры, старых деревянных панелей, духов Риты с жасмином и едва уловимый аромат герани с подоконника, который когда то подарил Анне садовник.

В который раз, изучая интерьер, ее глаза остановились на веере, аккуратно сложенном на столике Риты. Анна вспомнила, как она прибежала сюда с горящими глазами:

«Смотри, смотри. Правда, красивый?» — Рита размахивала веером у лица.

«Красивый, можно посмотреть?» — Анна аккуратно коснулась кончиками пальцев красочных перьев и золоченых филигранных. — «Виктор Степанович подарил?»

«Да. И знаешь что? Когда мы станем великими актрисами, и я докажу родителям, что стою гораздо больше чем 3 коровы у нас должны быть псевдонимы, как у нее,» — девушка указала на афишу десятилетней давности, где изящной позе стояла балерина несравненной красоты, — «Я буду Шер, а ты Машер.»

«Как на французском «подруги». Мне нравится»

С тех пор на людях они называли друг друга именно так. Эта маленькая комната была для них не просто рабочим местом, а пространством для обучения друг друга, поддержки. Обсуждали овации, ошибки, комплименты зрителей. Строили свой маленький мир.

«В какой момент мы забыли об этом? Почему я больше не чувствую тепла, а лишь раздражение, когда здесь нахожусь?» — Анна подняла ладонь.

Внимательно рассматривала линии вен, что начали пульсировать. Воспоминания проплывали в ее голове одно за другим, заставляя сердце биться чаще. Ностальгия драла душу когтями. Анна почувствовала, как внутри что-то дрогнуло – будто искра пробежала по жилам, отозвавшись теплом в кончиках пальцев. Кожа вспыхнула золотистым пламенем. Огонь не обжигал ее, а слегка грел ее руку. Крутя кистью, она рассматривала, как огонь обнимает ее длинные пальцы, и пламя танцует на ее ладони. Свет был тёплым, пульсирующим в такт её сердцебиению, и на мгновение озарил ее хмурое лицо. Анна сжала кулак, пламя погасло, но горечь и страх от неизвестного «Из-за этого?» остались.

За дверью она услышала шум. Крик, возмущения, похоже, что вазе стоящей рядом тоже досталось, и она разбилась вдребезги. Каблуки отчеканивали четкие и тяжелый шаг. Анна вскопчила на ноги, а дверь распахнулась:

— Красное? А жёлтого билета у тебя случайно нет, больнуха? В комплект к этому платью. Джульетта и в красном! — Рита хлопнула за собой дверью. На секунду замолчав, она снова распахнула резко дверь и закричала вслед, — Переделать немедленно в нежно розовый цвет, невежи!

Дверь закрылась окончательно.

— Разве мне одной это надо? Спектакль через 2 недели. Если эта клуша не сделает мне платье к назначенному сроку, я надена костюм из ее кожи. — Раздраженно приподнимая подол малиновой юбки, Рита уселась за свой туалетный столик и резкими прикосновениями пальцев к своим высоким скулам, поправила макияж. Ее черные волосы, уложенные в сложную прическу, блестели синим в лучах утреннего солнца.

— В таком случае, уповаю на то, что тебя этот цвет удовлетворит, — пытаюсь сдержать улыбку, Анна изучала лицо Риты в зеркале, надеясь увидеть положительную реакцию на шутку. Черные глаза сверкнули, и уголки губ брюнетки поползли вверх.

— Не изволь сомневаться, платье для тебя сделают в срок.

— А то ж. Я ж ее с потрохами сожру. — Рита взяла веер и обмахнула свое, покрасневшее от гнева, лицо

— Когда это случилось?

— Ты про шо?

— Ты стала жестокой, нервной. Это погубит твое здоровье. — Анна подошла к своему столику и достала травы, чайничек и две чашки. Когда Рита нервничала, та готовила чай из особых трав.

— Сцена — это хнездо «змей». Особля, когда метишь на место примы.

— Надеюсь, ты меня за «змею» не считаешь?

— Ты то? — Рита смерила ее взглядом. — Думаешь из-за того шо Лаский тебя все в приму тащит я буду с тобой враждовать?

— Я отказываю, каждый раз.

— И прально, хочешь быть как я? Уж лучше быть как ты. Серенько и не отблескивать.

— В нашем мире, «такие» как я долго не живут. Даже если серенькие. — Анна сделала глоток чая.

— Мда, в любом случае мне всегда нужен будет человек, кто готовит такой вкусный чай.

— Рита сделала последний глоток и добавила — А водки у тебя нет?

— Здоровая? Водку то хлестать.

— А может я внутрях больная, может в душе пожар. Вот и буду водкой лечится.

— В церковь схожу. Помолюсь за тебя.

Поставив кружку, Рита снисходительно кивнула.

— Кахорчикхвати.

Дверь распахнулась. В гримерку вбежал мальчишка

— Мадам — обратился он к Анне, — Виктор Степанович хочет вас видеть.

— От, как снег на голову. — Рита подняла кружку как бокал с алкоголем.

Анна, не глядя на него, тяжело вздохнула, — Иду. — Улыбнувшись Рите, она вышла из комнаты и лениво поднималась по лестнице.

Обычное дело. Виктор вызывал ее не по разу за день и каждый раз претензия. «Не те эмоции!», «Выше!», «Нет, ты не будешь менять сценарий», «Ты пойдешь к нему, кто еще заплатит за твое платье?». Гадая, что за разговор ее ждет сейчас, она не заметила, как оказалась у его двери. Легкий стук и она в кабинете хозяина театра.

— Виктор Степанович, вы хотели меня видеть? — сказала Анна и шепнула, — опять?

— Просто Виктор, Аннушка. Есть одно дело и не думай, что уйдешь от этого разговора.

Годы не пощадили лица графа Ласкова. Оно несло на себе все следы прожитой жизни – не всегда умеренной и не всегда добродетельной. Глубокие морщины прорезали лоб и тянулись от крыльев носа к уголкам рта, образуя скорбные складки. Кожа на шее обвисла, а под подбородком образовалась дряблая складка. Нос, некогда прямой, теперь имел едва заметную горбинку — вероятно, след старого перелома. Глаза, когда-то серые, теперь казались мутноватыми, с желтоватыми белками и мешками под ними. Взгляд был тяжёлым, пристальным,

с оттенком цинизма. Когда граф хмурился, его брови сходились на переносице, образуя глубокую вертикальную складку, которая делала его лицо ещё более суровым и неприветливым. Именно так он смотрел на Анну через зеркало: расчетливо, холодно, лишенный мягкости и обаяния. Он повернулся к ней, держа письмо в руке,

— Нас приглашают на бал. Ты и Рита главный эскорт, — он протянул письмо Анне, голос был сухим и резким — Это твой последний шанс. Стань примой вместо Риты.

— Нет, прости. — Анна отпрянула от письма. — Я знаю, вы много сил потратили ради меня, но...

— Ради тебя? Я это делаю ради твоей матери. — Его голос стал громче и раздражительнее, он схватил ее за плечи и сжал — Чтоб ты жила хорошо и в достатке. Думал, ты найдешь надежного покровителя. А ты все упираешься. Она хотела бы этого для тебя.

— Единственное, что хотела бы моя мать, так это то, чтоб я не закончила как она. — Ее лицо было спокойным. Легкий наклон головы и, невзирая на дерзость своих слов, она готова стойко переносить эмоции графа. Виктор посмотрел ей в глаза.

— Ты права, права, наш театр скоро станет великим, и этот титул защитит тебя. — Виктор ослабил хватку, — Ты же не забудешь наши труды? У тебя талант, амбиции. Даже если ты их скрываешь. Так же хорошие манеры. — голос стал нежнее, а руки спустились ниже к ее оголенным запястьям. — Прими этот шанс, прошу М ... Анна. — Он встал еще ближе к ней и вдохнул аромат сиреневых духов.

Его нижняя губа стала трястись. Анна чувствовала его поглаживания и тяжелое дыхание на своем лице, В груди нарастала паника — та самая, что бывает во сне, когда хочешь закричать, а голос пропадает. Анна почувствовала, как заколотилось сердце — часто, неровно, будто пыталось вырваться из груди. В висках застучало, а в горле встал ком, мешающий произнести хоть слово. Девушка одернула свои руки и отошла на шаг. Ее взгляд опустился вниз.

— Я ваша названная дочь, прошу, Виктор Степанович. — Она подняла глаза.

— Я помню и обещал твоей матери, позаботится о тебе.

— Не думаю, что ваша идея сможет меня защитить.

— Аннушка, выступление сегодня вечером. Я очень надеюсь на положительный ответ.

— Вы можете только уповать на это. В любом случае, у вас есть Рита. Мне пора.

Руки тряслись, отрывая дверь.

Виктор так и стоял с письмом и дрожащей губой. Он остался один. Его разум накрыл серый туман, густой и вязкий, не давая сделать глубокий вдох. Перед его глазами больше не было лица Анны — вместо него возникло другое, давно забытое, но до боли знакомое: лицо Марии, её матери.

Он вспомнил тот вечер почти двадцать лет назад — летний сад, залитый лунным светом, аромат жасмина, смешивавшийся с запахом свежескошенной травы. Мария стояла у беседки, её платье цвета лаванды слегка колыхалось от лёгкого ветерка. Он подошёл к ней, взял за руку — так же, как сегодня пытался удержать Анну, — и произнёс слова, которые считал искренними:

— Мария, я люблю вас. Будьте моей.

Она посмотрела на него — так же прямо и твёрдо, как Анна, — и мягко, но непреклонно высвободила руку:

— Вы можете только уповать на это. В любом случае у вас есть церковь. Мне пора.

Воспоминание обожгло его. Он вспомнил свой грех, свои терзания и вспышки гнева. Он обещал, он клялся.

Граф машинально провёл трясущейся рукой по лбу, будто пытаясь стереть наваждение. Он глубоко вдохнул и направился к своему столу. На нем стояла бутылка шампанского. Игристая, золотистая жидкость наполнила бокал.

Сейчас, в тишине кабинета, он вдруг осознал, насколько точно Анна повторила этот жест. Тот же наклон головы, тот же прямой взгляд, то же спокойное, непреклонное «нет». Словно сама судьба поднесла ему зеркало, в котором отразилась давняя неудача. Он затронул изумрудную брошь на груди.

— Прости меня. Я должен быть на твоём месте тогда ... я.

Бокал выскользнул из руки и разбился о кафель. Его плечи затряслись. Сперва едва заметно, потом всё сильнее. Рывания пришли не сразу: сначала – прерывистое дыхание, судорожный вдох, будто он только что вынырнул из-под воды. Затем – первый глухой всхлип, вырвавшийся помимо воли. Он попытался заглушить его, прижав ладонь ко рту, но это не помогло, он упал на колени. Слезы текли всё обильнее, а за ними хлынули и звуки – глубокие, хриплые, почти звериные стоны боли, копившейся десятилетиями.

Граф уронил голову, склонившись почти до пола. Руки безвольно опустились вдоль тела, пальцы слегка подрагивали.

— Прости... — прошептал он, и голос дрожал, ломался на каждом слоге.

Анна выскользнула из зала — стремительно, почти бесшумно, словно тень. Двери театра с грохотом захлопнулись за её спиной, отрезая гул голосов, смех, и оркестра, но не мысли, что терзали её изнутри.

Яркий дневной свет ослепил после полумрака кабинета и гримерки. Она невольно зажмурилась, сделала глубокий вдох — в лёгкие ворвался свежий воздух, пахнувший цветущими липами и нагретым камнем мостовой. Но облегчение не пришло. Грудь сдавило, будто кто-то стиснул её железными обручами. Анна прижалась спиной к тёплой каменной стене театра, пытаясь прийти в себя, но тело не слушалось: руки дрожали, колени подкашивались.

В висках стучало – громко, ритмично, почти оглушительно. Во рту стоял горький привкус, а глаза щипало от слёз, которые она упорно глотала, не позволяя им пролиться. Пальцы непроизвольно сжимались, и под кожей пульсировал жар – огонь отзывался на её смятение. Между пальцами то и дело вспыхивали и тут же гасли крошечные искры, заметные лишь ей самой.

«Это не может быть правдой», — мысленно повторяла она, закрывая глаза.

Но память безжалостно воспроизводила каждое мгновение: его рука на её запястье, слишком долгая, слишком настойчивая; его дыхание у виска; его шёпот, от которого по спине пробежал ледяной озноб.

Она тряхнула головой, отгоняя воспоминания. Магия снова отреагировала – возле её ног на нагретом солнцем камне на мгновение вспыхнули три крошечных язычка пламени. Анна тут же потушила их усилием воли.

— Успокойся, — прошептала она себе. — Ты справишься.

Дыхание понемногу выравнивалось, но страх не уходил. Он притаился, где-то внутри, холодный и липкий, готовый в любой момент вырваться наружу. Анна огляделась по сторонам.

Улица кипела дневной жизнью: мимо спешили дамы в летних платьях, катились коляски, разносчики выкрикивали объявления, дети гоняли обручи. Всё шло своим чередом – мир не остановился из-за её боли. От этой мысли стало ещё горше.

«Куда идти? Где тебя поймут и не обсмеют или не осудят?» — рассуждала она.

Анна медленно шла вдоль гранитной набережной, невольно шурясь и кутаясь в шаль, хотя день выдался тёплым. Величественный собор на другом берегу канала теперь не таился в сумерках – он открылся во всей своей мощи, залитый солнечным светом, и оттого казался ещё более подавляющим.

Золотые купола ослепительно сверкали, отражая небо, словно зеркала, направленные прямо в глаза. Кресты на вершинах не просто выделялись на фоне лазури – они пронзали её,

утверждая свою власть над пространством. Каждая линия собора – строгие колонны, чёткие арки, геометрически выверенные формы – говорили о порядке, который был не утешением, а приговором: всё на своём месте, всё подчинено высшей воле, и ничто не ускользнёт от её взора.

Девушка остановилась у чугунной ограды и невольно перекрестилась – жест, вызванный не благоговением, а страхом. Из-за открытых дверей доносилось пение хора, ясное и отчётливое в полуденной тишине. Слова молитв, усиленные эхом каменных стен, звучали для Анны не как утешение, а как напоминание о вечных истинах, которые она не в силах была ни изменить,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.